

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-302-315

Две судьбы Георгия Гребенщикова

Ю. А. Азаров

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва, Россия*

Аннотация

Дается сравнительная характеристика двух периодов творчества Г. Д. Гребенщикова – на родине и в эмиграции. Рассматривается биография писателя, его воспоминания, анализируется история создания наиболее известных произведений, их художественные особенности. Отмечается, что эпопея «Чураевы» представляет собой попытку осмыслить исторические судьбы России до и после революции. Показано, что отношение Г. Д. Гребенщикова к проблеме развития общества и совершенствования личности базировалось на отрицании классовой морали в сочетании с утопическим восприятием будущего России. Одновременно приводятся разные оценки его произведений в критике русского зарубежья, которая указывала как на их достоинства, так и на недостатки.

Ключевые слова

Г. Д. Гребенщиков, литература русской эмиграции, русская Америка, эпопея «Чураевы», последствия революции, идейные искания

Для цитирования

Азаров Ю. А. Две судьбы Георгия Гребенщикова // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 302–315. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-302-315

Two Fates of Georgy Grebenshchikov

Yu. A. Azarov

*A. M. Gorky Institute of World Literature RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The present article deals with a comparative study of the two periods of G. D. Grebenshchikov's creative activity – in Russia and abroad. It examines the biography of the writer, his memoirs, analyzes the history of the creation of the most famous works, their artistic features. It is noted that his epic “The Churaevs” is an attempt to comprehend the historical fate of Russia in the pre-revolutionary and revolutionary periods. It is shown that G. D. Grebenshchikov's attitude to the problem of the development of society and the improvement of the individual was based on the denial of class morality in combination with utopian perception of the future of Russia. At the same time, different assessments of his works are given in Russian Émigré literary criticism, which was pointed to both their advantages and disadvantages.

Keywords

G. D. Grebenshchikov, Russian Émigré literature, Russian America, epic “The Churaevs”, the consequences of revolution, ideological quest

© Ю. А. Азаров, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

For citation

Azarov Yu. A. Two Fates of Georgy Grebenshchikov. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 302–315. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-302-315

Творческий путь многих писателей послереволюционное изгнание поделило на два периода – на родине и в эмиграции¹. Не стал исключением и сибирский прозаик, поэт и драматург Георгий Дмитриевич Гребенщиков. Вспоминая детство, он писал, что судьба оказалась немилосердной к нему с самого начала: она не дала ни обеспеченных родителей, ни безбедного детства, с малых лет пришлось пройти, говоря без преувеличения, суровую школу выживания. Однако в столкновении с обстоятельствами он, появившийся на свет в день святого великомученика Георгия Победоносца, всегда боролся и, полагаясь на собственные силы, оставался победителем.

Широко известный в русском зарубежье, на родине Гребенщикова был почти забыт – его произведения не издавались более пятидесяти лет. Последней прижизненной публикацией в Советской России стал очерк «Николай Рерих», появившийся в 1927 г. в журнале «Сибирские огни». Следующая публикация относится к 1982 г., когда благодаря усилиям Н. Н. Яновского Восточно-Сибирское книжное издательство (Иркутск) в серии «Литературные памятники Сибири» выпустило книгу, в которую вошли первый том «Чураевых» («Братья»), избранные повести и рассказы.

На формирование характера будущего писателя большое влияние оказали самые близкие люди: родители, особенно мать, а также дед Лука Спиридонович, олицетворявший житейскую мудрость предков². Родители умерли в 1920 г., уже без него, когда только начиналось «трудное время великого рассеяния русских людей». В памяти Гребенщикова часто возникали картины из жизни «милых стариков», о них он собирался написать книгу, однако его замысел не осуществился. Три родных человека – дед, отец и «великая мученица мать» – особенно часто являлись в воспоминаниях Гребенщикова – как наглядный пример трудолюбия и терпения: «...прекрасные образы той многострадальной и суровой жизни, после преодоления которой я не имею права хныкать и смотреть на Божий свет печальными глазами» [Гребенщикова, 1929, с. 9].

В «Автобиографических заметках 1922 г.», опубликованных в парижском журнале «Возрождение», Гребенщикова писал, что появился на свет 23 апреля 1883 г. (6 мая по новому стилю) на серебряном руднике Николаевском (село Николаевское) [Гребенщикова, 1957, с. 23]³. О своем детстве он более подробно рассказал в повести «Егоркина жизнь» (полностью издана в 1966 г.), фрагменты которой публиковались в журнале «Зарница» (Нью-Йорк): «Отец – удалой и загрубевший в работниках и шахте человек. Мать – нежная и хрупкая, мало пригодная к тяже-

¹ С. С. Царегородцева выделяет три периода: сибирский (1906–1914), южный (1914–1920) и эмигрантский (1920–1956). См.: [Царегородцева, 2012, с. 67].

² Подробно об основных датах жизни и творчества Гребенщикова и библиографии его произведений см.: [Азаров, 2016, с. 377–380].

³ Метрические книги из Николаевской церкви села Николаевский Рудник Змеингорского уезда Томской епархии, в которой крестили Гребенщикова, не сохранились. Исследователи называют разные даты. См.: [Царегородцева, Фирсов, 2001].

лomu труду женщина, возвращенная на ковыльных просторах Иртыша, мечтательница, богомолица...» [Там же, с. 8]. Дед Лука Спиридонович, умерший в возрасте 96 лет, по просьбе внука рассказал в письме об их родословной. Как выяснилось, прадед Гребенщикова – калмык, десятилетним мальчиком похищенный в верховьях реки Бии вместе с табуном лошадей. Ребенка взял к себе какой-то добрый рудокоп, усыновил его, выучил русскому языку, крестил, а потом женил на русской девушке.

Когда Гребенщикову исполнилось девять лет, он уже сочиняет «стишки». Не желая быть «мужичонком», идет учиться к сапожнику, потом работает у мастера штемпелей, затем – в больнице учеником фельдшера, писарем у лесничего, в селе Шемонаихе – писарем у мирового судьи. В Семипалатинске Гребенщиков служит письмоводителем у нотариуса, тогда же увлекается писательством. Первые публикации – рассказы и очерки в газете «Семипалатинский листок» (1905–1906), подписанные «Крестьянин Г-щ», его ранние рассказы, очерки и стихи вошли в сборник «Отголоски сибирских окраин: Рассказы первые» (1906). В 1908 г. в Народном доме Усть-Каменогорска ставится драматическая поэма Гребенщикова «Сын народа» (опубл. 1910), имевшая успех среди либерально настроенной интеллигенции. Очевидно, что образ Федора Правдина, героя-правдоискателя, наделенного «говорящей» фамилией, был в чем-то сходен с самим автором пьесы.

В начале литературного пути молодой писатель не знал, что ждет его на творческом поприще, еще не было уверенности в правильности сделанного выбора. В 1909 г. Гребенщиков отправляется в Ясную Поляну, чтобы увидеть Льва Толстого, поклявшись, что если не получит одобрения, то навсегда оставит сочинительство. После пересказа «Сына народа» он услышал похвалу, которая прозвучала для него как благословение на писательство: «...несомненно то, – вспоминал впоследствии Гребенщиков, что эта встреча со Львом Толстым... была не только символической для всей моей жизни, но и бросила особый свет на все мои скромные писанья» [Гребенщиков, 1926, № 13, с. 8].

Определяющее влияние на формирование писательского таланта Гребенщикова оказала любовь к сибирской природе, одушевленный образ которой играет ключевую роль во многих его произведениях. Он с подробностями воспроизводит оттенки ее жизни, меняющейся в разное время года, воссоздает картины родной земли, ландшафты Алтая. Гребенщиков не только обладает даром словесного живописания, но и владеет «сибирским языком», на котором говорят его герои. Не менее тонок рисунок психологических портретов – сдержанный, лаконичный, оставляющий читателю повод для размышлений.

В 1911 г. Гребенщиков посылает несколько рассказов М. Горькому, которые получили одобрение: молодой автор обратил на себя внимание как подающий надежды представитель сибирской литературы. Н. Н. Примочкина, анализируя хранящиеся в ИМЛИ РАН документы, показала, насколько важную роль сыграл Горький в становлении Гребенщикова-прозаика. Именно он ввел литератора-самоучку в большую литературу, благодаря его рекомендациям появились публикации в «Современнике» и «Летописи». Горький стоял у истоков «Чураевых», главного произведения писателя, которое он надеялся опубликовать в журнале «Летопись» [Примочкина, 2001]. Но жизнь распорядилась по-другому – «Чурае-

вы» впервые увидели свет в Париже на страницах журнала «Современные записки» (1921, 1922, кн. 5–10).

Из произведений, написанных до революции, хотелось бы упомянуть повесть «Любава», примечательную изображением природы, которая составляет живой фон для разворачивающегося драматического действия. Повесть отличается глубоким психологизмом в обрисовке личности главной героини, тонкой передачей индивидуальных черт и общечеловеческого начала в ее мироощущении. Сюжетная основа повести представляет собой историю замужества по расчету. «Любава засиделась в девках – не потому, что женихов не находилось или собой была непригожа, а потому, что жила на заимке, редко выезжала в село, за сорок верст, а к ним в таежные места даже и дороги тележной не было» [Гребенщиков, 1982, с. 238]. Устав от попреков в семье, она тайком покинула родительский дом и вышла замуж за немолодого, но богатого калмыка Тырлыкана, которому давно приглянулась. Постепенно открывается новая грань ее характера – скрытая до времени жестокость, приводящая, в конечном счете, к преступлению. Душой Любавы овладевают, вытесняя другие стремления, страсть к обогащению и желание стать полноправной хозяйкой собственной судьбы.

Покинув Россию в эпоху «великого исхода» 1920 г., Гребенщиков добирается до Турции. Оказавшись в Константинополе вместе с остатками врангелевской армии, а затем на французской военно-морской базе в Бизерте (Тунис), Гребенщиков не предполагает, что покидает родину навсегда. Потом некоторое время живет во Франции, в Германии (Висбаден), а в 1924 г. эмигрантская судьба приводит писателя в США.

С первых же дней во Франции начинается сотрудничество в русских газетах и журналах – Гребенщиков публикует путевые заметки, очерки, статьи, рецензии, рассказы и повести, отрывки из «Чураевых». Еще в Константинополе была написана серия очерков о высадке армии Врангеля «У врат Царьграда», опубликованных В. Л. Бурцевым в газете «Общее дело» (Париж).

Обратимся еще раз к «Автобиографическим заметкам 1922 г.», в которых Гребенщиков рассказывает о начале своего эмигрантского бытия и о том, почему он оставил родину: «Так как, несмотря на пролетарское происхождение, я всей душой презираю ложь и хамство, я оказался в числе “врагов народа” и в изгнании. Здесь моя рабочая закалка очень мне помогла» [Гребенщиков, 1957, с. 23]. Позднее, переехав в США, Гребенщиков в «Зарнице» писал, что считает себя одним из немногих, для кого «не прошлое и не будущее, а именно настоящее является самой счастливой порою, как бы ни было оно омрачено тяготами жизни» [Гребенщиков, 1929, с. 9].

* * *

На пике российской истории, в 1917 г., Гребенщиков, подобно многим другим писателям, приветствовал падение царизма, однако в политические партии не вступал. Октябрь, пришедший на смену Февралю, он не принял, а Гражданскую войну оценил как величайшее несчастье в истории России. «Страшная, душу надрывающая революционная кривда, – писал Гребенщиков, – ныне разверзла бездонную пропасть между двумя непримиримыми мирами: с одной стороны мира здраво, логически и честно мыслящий род человеческий, а с другой – нагло-лживый, тиранический и кроваво-жестокий, но многочисленный клан профессио-

нальных убийц и мучителей подлинного рода человеческого» [Гребенщиков, 2013, т. 5, с. 84].

Изображая характеры, как правило, социально детерминированные, Гребенщиков всегда отвергал представление о человеке как о социальной схеме. Его отношение к проблеме развития общества и совершенствования личности базировалось на отрицании классовой морали в сочетании с утопическим видением будущего. Разделяя убеждения Н. К. Рериха о культуре, способной помочь человеку преодолеть противоречия современного мира, Гребенщиков верил в возможность создания совершенного общества, Нового града, «храма». Идея или символ Нового града в разных интерпретациях получили широкое распространение в русской философии, литературе и культуре. В качестве средоточия духовной жизни Новый град неразрывно связан с образом храма – рождение нового мира в России предполагалось изобразить в ненаписанном последнем томе эпопеи «Чураевы» «Построение храма», как бы венчающем это грандиозное произведение.

Гребенщиков обладал способностью собирать вокруг себя единомышленников, в разных странах у него был широкий круг почитателей и последователей. Подтверждением этому могут служить многочисленные письма, которые он получал от эмигрантов со всего света. В настоящее время значительная часть литературного архива Гребенщикова находится в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая в Барнауле, куда она была перевезена в начале 1990-х гг. из Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (наследников в США у Гребенщикова не осталось).

Перед исследователями в настоящее время стоит задача углубленного текстологического изучения архивного наследия писателя с целью публикации его переписки – среди корреспондентов Гребенщикова были И. Бунин, Н. Рерих, М. Горький, Ф. Шаляпин, А. Гречанинов, С. Рахманинов, И. Шмелев, Н. Рубакин, И. Сикорский и многие другие.

Сотрудничая в русскоязычной американской прессе, Гребенщиков в 1924 г. принимал участие в нью-йоркском иллюстрированном журнале искусства и литературы «Зеленый журнал» Л. М. Камышникова (вышло два номера). В первом из них появилось эссе Гребенщикова «Вначале бе слово», которое представляло собой призыв к сохранению чистоты русской речи, русского языка. Подобный призыв был особенно актуален для эмигрантов в Америке, часто употреблявших иноязычную лексику.

Гребенщиков стал одним из основателей журнала «Зарница» (1925–1927), наиболее деятельным членом его редколлегии, он во многом определял «лицо» и направление издания. В журнале сотрудничали поэтесса Беатриса Ван-Розен, художник Роберт Ван-Розен, С. И. Гусев-Оренбургский, Д. З. Кринкин, Л. Я. Нелидова-Фивейская, К. Н. Оберучев, Е. П. Полушкин, Н. Н. Селиванова, Л. Северный, И. Л. Тартак, А. Л. Фовицкий, Е. Шишко. Создатели «Зарницы» поставили перед собой задачу дать русской колонии свой литературный журнал. Вместе с тем его авторы часто обращались не только к русским читателям в Америке, но и к соотечественникам во всех странах, включая Советскую Россию.

Эпопея «Чураевы», работа над которой затянулась более чем на сорок лет, после публикации первого тома в «Современных записках» вызвала живой интерес читателей. В России Гребенщиков лишь приступил к работе над эпопеей, замысел

которой с годами менялся и расширялся. В ней нашли отражение предвоенная эпоха, Первая мировая война и революция, ее последствия. Скит Чураевка, куда неизменно возвращаются герои, представляет собой своеобразное связующее звено между разными частями произведения. Первый том заканчивается «сокрушением» уклада жизни прежней Чураевки, ее «моральным поражением», однако в последующих книгах сюжетные линии неизменно сходятся в этой географической точке. В изданном в 1952 г. седьмом томе («Лобзание змия»), последнем из увидевших свет, изображена Чураевка, заброшенная и обезлюдевшая, пережившая губительные последствия мировой войны и революции.

Слова из притчи царя Соломона «И это пройдет...», вынесенные в качестве общего для всех частей эпиграфа, формулируют сквозной лейтмотив, призванный объединить эпопею. Всего предполагалось написать двенадцать томов, каждый из которых представлял бы собой одну из «двенадцати символических ступеней к храму мира всего мира»⁴. Названия книг – метафоры, аллегорически раскрывающие значение авторского замысла, одно их перечисление свидетельствует о широте планов писателя. Были завершены и увидели свет: том I – «Братья» (1921), II – «Спуск в долину» (1922), III – «Веления земли» (1924), IV – «Трубный глас» (1927), V – «Сто племен с единым» (1933), VI – «Океан багряный» (1936), VII – «Лобзание змия» (1952). В первых двух томах главную роль играет образ Василия Чураева, который странствует в поисках истины, критически переосмысливая опыт предков и своей прошлой жизни. В седьмом томе подробно, иногда почти документально, описываются революционные события и Гражданская война, символически обозначенные как «лобзание змия». Планам Гребенщикова не суждено было осуществиться. Последующие тома (VIII – «Пляска во пламени», IX – «В рабстве у раба последнего», X – «Суд Божий», XI – «Идите львами», XII – «Построение храма») не были завершены.

Забота о судьбе родины, ее история стоят в центре внимания во всех томах эпопеи. Образно говоря, в произведении попеременно сближаются и расходятся две сквозные темы. Тема центральная, чураевская, объединена с мотивом возвращения героев на отеческую землю, нового обретения родины и одновременно истины на разных стадиях жизненного пути. Тема событий вне Чураевки объединяется с изображением испытаний, выпавших на долю героев (в первом томе «внешний» повествовательный план связан с описанием московского купеческого быта). Автору близок и понятен патриархальный мир старообрядцев, однако замысел Гребенщикова гораздо шире, чем изображение старины и ее противостояния с «внешним» миром. Смысл раскрываемого конфликта этим отнюдь не исчерпывается: постепенно выясняется, что под поверхностным благолепием старообрядческой «подлинности» Чураевки кроется не что иное, как ложь, лицемерие, дикость, кровавое и преступное прошлое. Читатель узнает о духовных и моральных противоречиях, о разрушении древних устоев, которые героям казались незыблемыми.

Более громко, своевременно и остро прозвучала в эмиграции тема революции в «Былине о Микуле Буяновиче», написанной в 1923 г. Гребенщиков вспоминал, что сочинил «Былину» в парижской мансарде всего за шесть недель. Произведение сразу же получило признание не только русского зарубежья, но также ино-

⁴ Подробный анализ развития замысла эпопеи см.: [Царегородцева, 2002].

странных читателей – в переводе на английский и французский языки. Гребенщиков искал ответы на мучившие его вопросы, которые часто задавали ему и друзья-иностранцы, не понимавшие, что же все-таки случилось с русским народом, учинившим кровавую расправу над царской семьей и теми, кто не смог принять большевистскую революцию.

«Былина» по жанру представляет собой роман (или поэму в прозе) в трех частях («сказаниях», согласно определению писателя) про «богатыря-разбойника-разумного», крестьянского вождя и народного героя Микулу Буяновича. В произведении он главный герой и одновременно сказочный персонаж, представленный в разных ипостасях. В своем последнем героическом воплощении (сказание III – «Царь Буян»), относящемся ко времени Гражданской войны, когда «не было на Руси такого человека, который не клонил бы голову от тяжелой думы», Микула появляется в образе отчаянного и неувимого атамана «зеленой повстанческой армии» Ивана Лихого, стоящего между белой и красной армиями. Действие происходит в Сибири, повествование ведется языком, стилизованным под былинный сказ: «А как только реки стали – и – и! – пошли по матушке России из конца в конец с посвистами, со злыми воями, с бичами, метлами и молотками раскосмаченные белые ведьмы разгуливать!.. И как заносят, как закутывают, заматают они деревенскую Россию!» [Гребенщиков, 2003, с. 28]. Обращаясь к историческим событиям, Гребенщиков рассказывает о них с романтическим пафосом, описания эмоциональны и возвышенны, стиль торжественно архаичен: «И вот пришли будто какие-то века суровые, безбожные. Зашаталась вера, раскололась ересь, задрожала на царях корона, а последний царь и вовсе уронил ее – не осилил тяжести. А как уронил корону царь бессильный – в роковое одночасье уронил и свою голову и замертво в великих муках от руки своих же подданных упал вместе с царицей, с царевичем и с четырьмя царевнами. И поднялось над Русью знамя красное, из красного тканья, не рукодельного, и смешалось с красным пламенем над древними монастырями и церквами Божьими с красным заревом над всею землею русскою. И полилась большими ручьями густая кровь народа русского – хмельное красное вино буйно-веселых атаманов и разбойников» [Там же].

«Былина» не завершается смертью Микулы. Автор прежде всего думает о будущем: в фольклорной традиции он предлагает читателю «мораль», изложенную в пространном «Послесказании», которая сводится к тому, что нет смысла теперь искать, «кто и почему пустил по Руси смуту и лихолетье, все повинны, все в ответе – все получают рано или поздно награду и возмездие». Думать теперь надо совсем о другом: «А забота наша первая в том состоит теперь, чтоб знаки огненных скорбей и внимания времени и, елико можно, роздых-мир завоевать и к построению жизни новой, к построению храма мира и любви бессмертной приступить...» [Там же, с. 46].

Книги Гребенщикова всегда вызывали живой интерес критики. Рецензии на них регулярно появлялись в русской печати. Одним из его постоянных рецензентов стал Юлий Айхенвальд, писавший под псевдонимами «Б. Каменецкий» и «Б. К.». Отмечая отдельные недостатки, он давал в целом благожелательные отзывы, учитывая при этом своеобразие творческой манеры писателя, которого часто упрекали в пространности и «сусальной» перегруженности аллегориями. Айхенвальд, назвав Гребенщикова автором «несомненно, талантливым», также подчеркнул эту особенность: «“Былина” написана свежей и сочной прозой, обвеена свежим ды-

ханием Сибири. <...> Г. Гребенщиков дал, хотел дать, собственно, не былинку, а эпопею, которая, действительно, не требует сжатости и имеет право на большое, пространное полотно; все-таки, даже принимая это во внимание, читатель желал бы здесь гораздо меньшей расточительности в словах, хотя бы и звонких, и красочных, и картинных. <...> Вот если бы освободить их от орнамента, от киновари литературной, да еще положить их под какой-то пресс, чтобы осталось от них только необходимое, только удовлетворяющее требованиям художественной скупости, то “Былина” могла бы представить ценную бытовую и психологическую картину, полную своеобразных типов и фигур, местами достигающую подлинного трагизма» [Айхенвальд, 1924, с. 8]. И вместе с тем проза Гребенщикова, по мнению Айхенвальда, в разных произведениях приобретает не только литературное, но и общечеловеческое звучание, что объясняется отсутствием политической ангажированности автора. Так, рецензируя сборник рассказов «Родник в пустыне» (1923), критик отметил, что эта книга резко выделяется среди других русских книг, изданных в последнее время. Главное ее отличие заключается в том, что она «внеревOLUTIONонна», если сравнивать, например, с «Дьяволом», «Домом усопших» или рассказом «Государь» Ивана Лукаша, творчество которого вообразило слишком много кошмара и ужаса «из русской были». Революция, подчеркивает Айхенвальд, «...действительно нас преследует и гигантской тенью заслоняет перед нами солнце и радость мира, и радость всех радостей – бескорыстную поэзию». Напротив, проза Гребенщикова неожиданно возвращает читателя к забытым ценностям повседневного бытия – в его книге рассказы о жизни крестьян, золотоискателях, смолокурах. Они отвлекают от «страшной злобы наших дней», от «кромешной тьмы и нечестивости современной России или псевдо-России» [Айхенвальд, 1923, с. 2].

Тема подвижничества Сергия Радонежского всегда увлекала Гребенщикова, который в 1938 г. издал посвященную ему книгу. Она представляет собой, по определению автора, «сказание о неугасимом свете и о радужном знаменнии жития преподобного Сергия Радонежского к 600-летию его вступления в Хотьковский монастырь». «Но так как в своей книжке “Радонега”, – обращаясь к читателям, писал Гребенщиков, – мне хотелось собрать и выразить мысли и образы не только о Прошлом, но создать из них послание (message) к Грядущему, то есть, опираясь на примеры Прошлого, как бы вынести некий урок для Будущего, я и решил назвать свою книжку этим новым словом “Радонега”. Пусть это новое слово несет в себе добрые старые семена для нового посева» [Гребенщиков, 1938, с. 5]. Автор убежден, что встреча Сергия Радонежского и Дмитрия Донского перед Куликовской битвой составляет ключевой момент всей русской истории: именно тогда с благословения «Игумена всяя Руси и Святого воеводы» началось существование Российской державы и расширение ее границ. Гребенщиков не сомневается, что в черные дни смятения и отчаянья русский народ должен вспомнить, как не раз преподобный Сергей помогал России в победах над смутами: «Так из-за великого моря-океана, из далеких земель Америки тянется душа к истокам русского подвига. Так и ныне, в лето тысяча девятьсот тридцать восьмое, образ Св. Сергия незримо нас ведет к радостной победе света, к возрождению народа, среди которого были и снова будут великие Подвижники и воины Христовы, Рыцари Духа Святого» [Гребенщиков, 1938, с. 90].

Гребенщиков считал, что литература воспитывает человека, делает его лучше, вынашивал мечту о том, что именно литература поможет объединить людей в изгнании. Его просветительская деятельность, связанная с издательством «Алатас», получила самую широкую известность. «Так и было, и никогда не забуду, – вспоминая родину, писал Гребенщиков, – как однажды, подъезжая к родному селу со стороны деревни Убинской, увидел белый, далеко сияющий в солнечных лучах, лежащий на южном склоне высокого холма кварцевый камень. И русские звали его киргизским именем Алатас, что значит – белый крепкий высокий Аллахов камень. И этот камень врезался в моей памяти на всю жизнь, как нечто светлое, как символ близости родины, как знак близкой встречи с матерью <...>. Много лет спустя, когда волею судьбы я стал уже романистом, накануне 1924 года мне посчастливилось встретиться с Н. К. Рерихом. Он направлялся тогда в Индию и принял меня на рю де Мессин в Париже. Я предложил ему помочь мне основать книгоиздательство, и, когда он это одобрил, и мы стали выбирать для книгоиздательства название, я снова вспомнил свое детство и как путевой маяк тот белый камень Алатас» [Гребенщиков, 2013, т. 5, с. 168]. Логотип издательства придумал Рерих – он представлял собой помещенную в красно-черную окружность стилизованную букву «А».

Очевидно, что организация издательства входила и в планы Рериха. Предполагалось, что оно начнет работать в США при его музее в Нью-Йорке. Музей открылся в марте 1924 г., постепенно расширялась и деятельность издательства – так, в 1925 г. были опубликованы «Звенигород окликанный» А. Ремизова и «Пути благословения» Рериха. В 1927 г. издательство перешло в собственность Гребенщикова, после чего «Алатас» перемесился в «русскую деревню» Чураевку (штат Коннектикут). Историю ее появления Гребенщиков рассказал в книге «Гонец: Письма с Помперага»⁵ (1928), относящейся к эпистолярному жанру; «письма» были адресованы на Алтай – родным и друзьям писателя. Выбирая в американской глуши поляну для своей «хижины», Гребенщиков был движим ностальгическим чувством: ему очень хотелось найти место, которое напоминало бы Россию, Сибирь с ее бескрайними пейзажами, где на лоне природы можно предаваться размышлениям о «первой помощи человеку»: «Плохо это или хорошо, навязчиво или наивно, но больше и усерднее всего я хотел бы задуматься о радости для ближнего и для далекого брата – человека, и, главное, о том, чтобы, помогая в укреплении духа самому себе, научиться подать первую посильную помощь человеку-брату, русскому, без различия сословий, религии и политики». Забывая первый колышек, он обратился к востоку и вместо молитвы подумал: «Да будет здесь, в Америке, Сибирский скит!» Он не сомневался, что именно отсюда когда-нибудь «укочует» на Алтай, позднее мечтал при первой возможности открыть на родине отделение издательства «Алатас» [Гребенщиков, 1926, № 22, с. 689].

В Чураевке нашла наиболее яркое воплощение деятельность Гребенщикова – организатора культурной жизни русской Америки. Этот «скит духовной мысли» и одновременно сельскохозяйственный и культурный центр расположился в живописной местности у слияния двух рек. Земельный участок был приобретен Гребенщиковым в 1925 г. у Ильи Львовича, сына Льва Толстого, который купил эту землю в начале 1920-х гг., а потом продал Гребенщикову часть участка. Илья

---

⁵ Помпераг – река в штате Коннектикут.

Львович называл это место «Ясной Поляной». Предприятие имело коммерческую основу, но одновременно здесь начал осуществляться толстовский идеал сельской «естественной жизни», который, можно сказать, и вдохновлял на создание «русской общины», «деревни», «убежища», в том числе и для представителей интеллигенции. У истоков проекта Чураевки стояли И. Л. Толстой, Рерих и Гребенщиков, финансирование частично обеспечил С. Рахманинов. Первыми арендаторами стали ветераны Гражданской войны и члены их семей, позднее появились беженцы из Советского Союза.

В Чураевке увидели свет почти все произведения Гребенщикова американского периода: продолжение эпопеи «Чураевы» (1925–1952), «Алтай, жемчужина Сибири» (1927), рассказ «Волчья сказка» (1927), «Купава: Роман одного художника» (1936), «Златоглав: Эпическая сказка XX века» (1939), «Радонега. Сказание о Св. Сергии» (1938), «Гонец: Письма с Помпеярага» (1928), рассказ «Первая любовь» (1937), автобиографическая повесть «Егоркина жизнь» (1966) и другие. В «русской деревне» работали типография и книжный магазин – всего до Второй мировой войны опубликовано около сорока книг на русском языке. Деятельность издательства продолжалась более 40 лет, наиболее активной она была в 1930–1940-е гг. и пошла на спад в 1950-е (тогда же издательство было переименовано в «Славянскую типографию»).

И в наши дни здесь многое напоминает о России – среди лесистых холмов на указателях обозначены русские названия: «Киевская улица», «переулок Льва Толстого», «Левитановский пруд», «Ясная Поляна». Важнейшим событием в жизни Чураевки стало возведение часовни Сергия Радонежского в старорусском стиле, которая была построена из местного камня по проекту Рериха и им же расписана. Царившую когда-то в «скиту» атмосферу передает заметка русского журнала «Москва» (Чикаго) о скромных торжествах, посвященных окончанию строительства [Без подписи, 1930, с. 24]. В Чураевке собрались близкие Гребенщикову люди, среди которых были его русские и американские друзья: доктор Харли (директор музея Рериха), Е. А. Москов, И. И. Сикорский, прочитавший гостям лекцию об авиации и ее достижениях. Состоялся концерт, в котором принял участие оркестр балалаечников. Часовня имела для Гребенщикова символическое значение, поскольку ее строительство, как он позднее вспоминал в «Новом журнале» [Гребенщиков, 1943, с. 44], совпало с периодом осквернения святынь Сергия Радонежского на родине. Этот небольшой храм и сама Чураевка рассматривались им как материальное воплощение русской идеи и своего главного произведения, он назвал часовню «одной из глав моей литературной эпопеи».

Примечательно, что Чураевка, как и сама «чураевская идея», символизировавшая духовное начало русской культуры за рубежом, оказались необычайно притягательными для эмигрантов. Они нашли живой отклик на Дальнем Востоке среди членов Христианского союза молодых людей (Харбин), с которыми Гребенщиков поддерживал постоянную связь. Так, в 1929 г. журнал «Москва» сообщал читателям: «В Харбине успешно работает кружок науки, литературы и искусства “Молодая Чураевка”, неразрывно связанный с его Чураевкой на Помпеяраге» [Без подписи, 1929, с. 119].

До своего последнего дня писатель надеялся вернуться в Россию и часто вспоминал слова Сергея Есенина, сказанные во время их встречи в Америке: «А он <Есенин. – Ю. А.>, увидевши меня, тоном мудрого старца стал меня корить: –

Почему вы не в России? Что, у вас голубая кровь? Ведь вы же наш брат, Ерема!..» [Гребенщиков, 1926, № 9, с. 12]. Но Америка стала для него второй родиной, которую он искренне полюбил, ее природа напоминала ему Сибирь. «Разве здесь, в Америке, – писал Гребенщиков в 1942 г., – не раздольны, не прекрасны, не просторны поля? Разве здесь не те же густые и чудесные леса, не те же высокие горы с вечными снегами? Не я ли любовался всеми красотами великих просторов Америки, не я ли исколесил Америку из края в край? И полюбил я землю Колумба не менее, нежели землю Ермака Тимофеевича...» [Гребенщиков, 1943, с. 44].

Вновь увидеть Алтай Гребенщикоу суждено не было. Проведя на чужбине 44 года, в конце 1950-х гг. он тяжело заболел и 11 января 1964 г. скончался в Лейкленде. В том же году умерла его жена Татьяна Денисовна.

* * *

О творчестве Гребенщикова высказывались разные мнения. Так, в статье, посвященной 50-летию его литературной деятельности, он был назван поэтессой А. Жернаковой-Николаевой писателем, который все свое искусство посвятил служению идеалам гуманизма: «Гребенщиков обладает магией слова. Его язык производит впечатление обаятельной естественности, как бы эластичности и даже, более того, – виртуозности. Описания его поэтичны, без впадения в манерность. И он убеждает не только магией слова, но и образами художественных воплощений» [Жернакова-Николаева, 1956, с. 139]. «Простота, красота и бесстрашие окружают творчество Гребенщикова. Радуюсь Сибири, взрастившей этого большого человека», – отзывался о своем друге и соратнике Николай Рерих. «Эта книга событие. Это слиток сил. Светлая лесная криница», – восторгался «Чураевыми» К. Д. Бальмонт, который оставил о Гребенщикоу воспоминания, вошедшие в книгу «Где мой дом?» (Прага, 1924). «“Чураевы” написаны красочно, мощно и на долгие годы», – отмечал М. Горький (см. [Мишеев, 1926]).

С другой стороны, известны и менее благожелательные отзывы. «Гребенщиков – типичный представитель “этнографической беллетристики”. В этом сила его, в этом и недостаток», – столь однозначно оценил творчество писателя М. Слоним в рецензии на «Родник в пустыне» (Собр. соч., т. 5) [Слоним, 1923, с. 79]. Позднее критик поставил Гребенщикова и В. Я. Шишкова во главе группы писателей-этнографов, изображавших Сибирь, произведения которых отличались совершенно особым духом [Слоним, 1929, с. 27].

Еще одна оценка творчества Гребенщикова, более критическая, принадлежит Глебу Струве, также относившему прозу писателя к «этнографической струе в зарубежной литературе»: «Первый том “Чураевых” заставил многих возлагать на Гребенщикова надежды. Была несомненная свежесть и сила в описаниях величественной алтайской природы, в характеристике некоторых членов кряжистой старообрядческой семьи Чураевых. Но было и много безвкусыя, и даже элементарной безграмотности. В дальнейших томах безкусие оказалось преобладающим, начиная с самих заглавий отдельных томов (“Веления земли”, “Трубный глас”, “Лобзание змия”). <...> У Гребенщикова были и есть поклонники, но вклада в русскую литературу его эпопея не составит» [Струве, 1996, с. 95, 96].

Можно соглашаться или не соглашаться с подобными оценками творчества Гребенщикова, у которого, действительно, по выражению Айхенвальда, иногда было слишком много орнаментальности и «киновари литературной». И все же

Гребенщиков открыл новую главу в литературе Сибири – именно он первым поставил задачу создания эпопеи о Гражданской войне и революции. Создавалась она не в России, а в Америке – в русле зарубежного «потока» русской литературы XX в.

В заключение хотелось бы вспомнить слова Н. Н. Яновского, относящиеся к Гребенщикову: «Но сейчас, надеюсь, мы можем с полным основанием сказать, что все значительное и подлинно прекрасное в наследии русского писателя является частью нашего национального достояния, и оно должно быть нами принято и освоено, как всякое другое наследство в огромной культуре нашего народа» [Яновский, 1978, с. 93].

Список литературы

- Азаров Ю. А. Георгий Гребенщиков // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1, кн. 2. С. 343–381.
- Айхенвальд Ю. [Б. К.] Георгий Гребенщиков. Былина о Микеле Буяновиче // Руль (Берлин). 1924. № 1027, 20 апр. С. 8.
- Айхенвальд Ю. [Каменецкий Б.] Литературные заметки // Руль (Берлин). 1923. № 682, 25 февр. С. 2, 3.
- [Без подписи] В Чураевке // Москва (Чикаго). 1930. № 16. Октябрь. С. 24–25.
- [Без подписи] Молодая Чураевка // Москва (Чикаго). 1929. № 9. Ноябрь. С. 119–120.
- Гребенщиков Г. Д. Белый камень // Гребенщиков Г. Д. Собр. соч.: В 6 т. Барнаул: ИД «Барнаул», 2013. Т. 5. С. 168–183.
- Гребенщиков Г. Д. Былина о Микеле Буяновиче: [Роман в 3 ч.]. М.: Ариаварта-Пресс, 2003. 366 с.
- Гребенщиков Г. Д. Любава // Гребенщиков Г. Д. Чураевы: Роман; Повести; Рассказы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. С. 238–251.
- Гребенщиков Г. Д. Автобиографические заметки 1922 г. // Возрождение (Париж). 1957. № 70. С. 23–38.
- Гребенщиков Г. Д. В просторах Америки // Новый журнал (Нью-Йорк). 1943. № 4. С. 43–53.
- Гребенщиков Г. Д. Радонега. Сказание о Св. Сергии. Коннектикут, Чураевка: Алатас, 1938. 158 с.
- Гребенщиков Г. Д. Из моей жизни. Странички автобиографии // Зарница (Нью-Йорк). 1929. № 1. Май. С. 9–13.
- Гребенщиков Г. Д. Сережа Есенин // Зарница (Нью-Йорк). 1926. № 9. Февраль. С. 12–14.
- Гребенщиков Г. Д. У Льва Толстого // Зарница (Нью-Йорк). 1926. № 13. Июнь. С. 8–10.
- Гребенщиков Г. Д. Письма с Помпеярага // Перезвоны (Рига). 1926. № 22. С. 689–690.
- Жернакова-Николаева А. Боян Сибири // Возрождение (Париж). 1956. № 52. Апрель. С. 139–143.
- Мишеев Н. И. «Вот так царство!.. Вот так государство!..» // Перезвоны (Рига). 1926. № 18. С. 540–544.

Примочкина Н. Н. «Первым своим учителем я считаю М. Горького»: М. Горький и Георгий Гребенщиков: к истории литературных отношений // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 149–156.

Слоним М. Современная сибирская литература // Вольная Сибирь (Прага). 1929. № 5. С. 24–46.

Слоним М. Родник в пустыне (Собр. соч., т. 5) [Рец.] // Воля России (Прага). 1923. № 3. Февр. С. 79–80.

Струве Г. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж; Москва: УМКА-Press, Русский путь, 1996. 448 с.

Царегородцева С. С. Роман Г. Д. Гребенщикова «Чураевы»: от замысла к воплощению // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2002. С. 54–63.

Царегородцева С. С. Творчество Г. Д. Гребенщикова в контексте времени // Новый журнал (Нью-Йорк). 2012. № 266. Март. С. 84–94.

Царегородцева С. С., Фирсов А. Б. Когда и где и родился Гребенщиков // Вестник Востока (Усть-Каменогорск). 2001. № 2. С. 22–28.

Яновский Н. Н. На переломе: Из литературного прошлого Барнаула. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. 183 с.

References

[Anonymous] V Churaevke [In Churaevka]. *Moskva [Moscow]* (Chicago), 1930, no. 16, Oct., p. 24–25 (in Russ.)

[Anonymous] Molodaya Churaevka [Young Churaevka]. *Moskva [Moscow]* (Chicago), 1929, no. 9, Nov., p. 119–120. (in Russ.)

Aykhenvald Yu. [B. K.] Georgiy Grebenshchikov. *Bylina o Mikule Buyanoviche. Rul' [The Wheel]* (Berlin), 1924, no. 1027, 20 Apr., p. 8. (in Russ.)

Aykhenvald Yu. [Kamenetskiy B.]. *Literaturnye zametki. Rul' [The Wheel]* (Berlin), 1923, no. 682, 25 Febr., p. 2, 3. (in Russ.)

Azarov Yu. A. Georgiy Grebenshchikov. In: *Russkaya literatura 1920–1930-kh godov. Portrety prozaikov [Russian literature of the 1920s–1930s. Portraits of prose writers]*. In 3 vols. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, vol. 1, book 2, p. 343–381. (in Russ.)

Grebenshchikov G. D. *Belyy kamen' [White Stone]*. In: Grebenshchikov G. D. [Collected Works]. In 6 vols. Barnaul, “Barnaul” Publ., 2013, vol. 5, p. 168–183. (in Russ.)

Grebenshchikov G. D. *Bylina o Mikule Buyanoviche [An Epic of Mikula Buyanovich]*. Moscow, Ariavarta-Press, 2003, 366 p. (in Russ.)

Grebenshchikov G. D. *Lyubava*. In: Grebenshchikov G. D. *Churaevy: Roman; Povesti; Rassказы [Churaevy: The Novel; Tales; Stories]*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe Publ., 1982, p. 238–251. (in Russ.)

Grebenshchikov G. D. *Avtobiograficheskie zametki 1922 g. Vozrozhdenie [The Revival]* (Paris), 1957, no. 70, p. 23–38. (in Russ.)

Grebenshchikov G. D. *V prostorakh Ameriki. Novyy zhurnal [The New Review]* (New York), 1943, no. 4, p. 43–53. (in Russ.)

Grebenshchikov G. D. *Radonega. Skazanie o sv. Sergii [Radonega. A tale about St. Sergey]*. Connecticut, Churaevka, Alatas Publ., 1938, 158 p. (in Russ.)

Grebenshchikov G. D. *Iz moey zhizni. Stranichki avtobiografii. Zarnitsa [The Summer Lightning]* (New York), 1929, no. 1, May, p. 9–13. (in Russ.)

- Grebenshchikov G. D. Serezha Yesenin. *Zarnitsa [The Summer Lightning]* (New York), 1926, no. 9, Febr., p. 12–14. (in Russ.)
- Grebenshchikov G. D. U L'va Tolstogo. *Zarnitsa [The Summer Lightning]* (New York), 1926, no. 13, June, p. 8–10. (in Russ.)
- Grebenshchikov G. D. Pis'ma s Pomperaga. *Perezvony [The Chimes]* (Riga), 1926, no. 22, p. 689–690. (in Russ.)
- Misheev N. I. “Vot dak tsarstvo!.. Vot dak gosudarstvo!..” [“That’s a kingdom... That’s a state!..”]. *Perezvony [The Chimes]* (Riga), 1926, no. 8, p. 540–544. (in Russ.)
- Primochkina N. N. “Pervym svojim uchitelem ya schitayu M. Gorkogo”: M. Gorkiy i Georgiy Grebenshchikov: k istorii literaturnykh otnosheniy. *Novoe literaturnoe obozrenie [The New Literary Review]* (Moscow), 2001, no. 48, p. 149–156. (in Russ.)
- Slonim M. Sovremennaya sibirskaya literatura. *Vol'naya Sibir' [Free Siberia]* (Prague), 1929, no. 5. (in Russ.)
- Slonim M. Rodnik v pustyne. *Volya Rossii [The Will of Russia]* (Prague), 1923, no. 3, Febr., p. 79–80. (in Russ.)
- Struve G. Russkaya literatura v izgnanii [Russian literature in exile]. 3rd ed. Paris, Moscow, YMKA-Press, Russkiy put' Publ., 1996, 448 p. (in Russ.)
- Tsaregorodtseva S. S. Roman G. D. Grebenshchikova “Churaevy”: ot zamysla k voploshcheniyu. In: *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture [Siberian Text in Russian Culture]*, Tomsk, 2002, p. 54–63. (in Russ.)
- Tsaregorodtseva S. S. Tvorchestvo G. D. Grebenshchikova v kontekste vremeni. *Novyy zhurnal [The New Review]* (New York), 2012, no. 266, March, p. 84–94. (in Russ.)
- Tsaregorodtseva S. S., Firsov A. B. Kogda i gde rodilsya Grebenshchikov. *Vestnik Vostoka [Herald of East]* (Ust-Kamenogorsk), 2001, no. 2, p. 22–28. (in Russ.)
- Yanovskiy N. N. Na perelome: Iz literaturnogo proshlogo Barnaula [At the turning point: from the literary past of Barnaul]. Barnaul, Altai Publ., 1978, 183 p. (in Russ.)
- Zhernakova-Nikolaeva A. Boyan Sibiri. *Vozrozhdenie [The Revival]* (Paris), 1956, no. 52. Apr., p. 139–143. (in Russ.)

Сведения об авторе

Азаров Юрий Алексеевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

info@imli.ru

ORCID 0000-0002-2897-5526

Information about the Author

Yuri A. Azarov – Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of the Newest Russian Literature and Russian Émigré Literature, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

info@imli.ru

ORCID 0000-0002-2897-5526

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2